

ПРОТОКОЛ 317: НАЧАЛО

Константин Труфанов



18+

Константин Труфанов

Протокол 317 Начало

<https://litres.ru/74289363>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОНИ ХОТЕЛИ СПРАВЕДЛИВОСТИ. ОНИ СТАЛИ ПАЛАЧАМИ.

1972 год. Ленинград. Пятеро курсантов школы милиции мечтают защищать слабых. Они верят в закон. Они не знают, что их дружба станет началом конца. Одного назовут палачом, другого — убийцей, третьего — жертвой.

1988 год. В парке находят тело подростка. На обгоревших страницах её дневника — вопрос: «Почему никто ничего не делает?» Её смерть запустит механизм на десятилетия.

2024 год. Следователь Олег Серов находит папку с номером 317. Он не знает, что его отец был одним из тех пятерых. Что отец знал правду. Что отец молчал, пока система уничтожала всех, кто был ему дорог.

Олег сталкивается не с маньяком. Он сталкивается с системой в системе — тенью, которая вершит «правосудие» там, где бессилен закон.

Это роман-расследование о том, как мечты о справедливости превращаются в фабрику смерти, а борьба за правду — в борьбу

за выживание. Здесь нет лёгких ответов. Есть только правда. После неё уже невозможно смотреть на мир прежними глазами.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть первая. Первая дружба	10
Часть вторая. Общежитие	21
Часть третья. Первое утро	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Труфанов

Протокол 317 Начало

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это не просто книга. Это документ эпохи, составленный из обрывков чужих жизней. Обрывков, которые кто-то старательно собирал, склеивал, прятал в пыльных папках, надеясь, что однажды они сложатся в единую картину. Картину, которую никто не хотел видеть.

Представьте: утро, которое начинается как обычно — но вдруг стекло в окне отражает не ваш двор, а совершенно другой мир. Мир, где всё, во что вы верили до вчерашнего дня, рассыпается в пыль. Где присяга на верность закону оборачивается клятвой, данной карточному домику, — стоит дунуть, и он сложится. А справедливость, та, за которой вы охотились по ночам, оказывается не светом в конце тоннеля, а всего лишь дулом пистолета: его можно наставить на врага, а можно — приставить к виску друга. И вы никогда не угадаете, что решит стреляющий.

Эта история о том, как рождаются чудовища. И нет, они не приходят из промозглой тьмы с заточкой в рукаве. Они приходят в кабинет с кожаным креслом, включают настольную лампу и начинают заполнять протоколы. Они искренне

верят, что мир нуждается в санитарной обработке. Что слабые — это мусор, который должен исчезнуть, чтобы сильным было просторнее. Они не чувствуют боли, потому что прикрываются цифрами и процентами. И самая страшная их иллюзия — что цель всегда оправдывает средства.

Здесь нет плоскостных героев. Здесь есть люди, которые задыхались в собственных убеждениях. Которые верили, что творят добро, пока их руки не стали красными от крови. Которые смотрели в глаза своим жертвам и видели там ту же боль, что когда-то носили сами. Это история о том, как мечты о справедливости превращаются в кошмар, а борьба за правду становится борьбой за выживание.

В Петербурге, в сырых подвалах архивов, лежат папки, которые боятся открывать даже самые смелые. Время остановилось на их пожелтевших страницах, пыль въелась в бумагу так глубоко, что кажется, она склеила строки навечно. Есть там и Папка №317. Для постороннего — просто номер. Для посвящённого — ключ от склепа. Семьи, которые распались. Судьбы, которые сломались. Истины, которые были похоронены, но так и не сгнили.

Этот приквел — для тех, кому мало фактов. Кому нужна правда, даже если от неё стынут пальцы. Кто была та девочка, чей дневник стал детонатором? Как её мать, простая библиотекарь, оказалась втянута в игру, где ставка — жизнь? Что превратило следователя Владимира Серова в сломанного человека, который боялся смотреть в глаза собственному

сыну? Как Татьяна Светлова, раздавленная горем, превратилась в Тьму, убивающую без суда и следствия? И кто стоял за кулисами с самого начала — тот, кого в Москве шепотом называли Ретриком, а в Ленинграде величали просто Наблюдателем?

Здесь нет лёгких ответов. Здесь только жестокое, горькое, выжженное знание. Зло не всегда приходит с улицы. Чаше всего оно ходит рядом с нами, также как и все снимает пальто в прихожей и предлагает чай. Оно носит погоны и искренне считает себя спасителем отечества. Оно сидит за соседним столом, читает те же книги, смотрит те же фильмы. И однажды ты просыпаешься и понимаешь, что монстр жил рядом с тобой всё это время.

Действие переносит нас в 1972 год. В Ленинграде, в школе милиции, судьба сталкивает пятерых. Парни из Уфы, Новгорода, коренные ленинградцы — совершенно чужие люди. Они мечтают о справедливости, о том, что будут защищать беспомощных и карать виновных. Они ещё не знают, что их дружба станет началом конца. Что одного из них назовут палачом, другого — убийцей, третьего — жертвой, четвёртого — тенью, а пятого — хранителем молчания. Их пути разойдутся, как пули, выпущенные из одного ствола в разные стороны.

Это не вымысел. Это судьбы. Люди, которые ошибались, любили, ненавидели, трусили и шли на таран. Они хотели изменить мир, а изменили до неузнаваемости только самих

себя. Они хотели стать героями, а стали теми, кого герои побеждают. Это трагедия не одной эпохи. Это трагедия выбора, который каждый делает в темноте, не зная, что его ждёт впереди.

И в самом центре этой мясорубки — девочка. Спустя много лет она сядет на скамейку в Парке Победы, будет грызть мороженое и спросит в пустоту: «Почему никто ничего не делает?» Она не будет знать, что этот вопрос уже звучал. Его задавала её мать перед смертью. Его задавали другие — те, чьих близких убивали, а убийц отпускали. За этот вопрос платили жизнью.

Катя не знала, что её вопрос станет её приговором. Что через пару часов она будет лежать в мокрой листве, а её обгоревший дневник с вырванными страницами станет эпитафией. И что её смерть запустит часовой механизм для тех, кто выживет и продолжит бой.

Мы не пытаемся оправдать зло. Мы пытаемся вскрыть его анатомию. Понять, как из острой боли рождается бездушная система. Как из мечты о добре вырастает фабрика смерти. Как человек, который хотел защищать, становится тем, кого нужно защищать от самого себя.

Здесь нет героев в блестящих доспехах. Есть только правда. Страшная. Косная. После неё уже невозможно смотреть на мир прежними глазами. Но помните: даже самая чёрная система трещит по швам перед голой правдой. Она пробиивается сквозь годы, сквозь слои лжи, сквозь забвение. Ино-

гда для этого нужна чья-то смерть. Иногда — пара аккуратно завязанных шнурков на ногах незнакомки, которые кто-то откажется не заметить. И иногда — один человек, который откажется молчать.

Осторожно. Эта книга оставит след. Возможно, навсегда.

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЫ

Часть первая. Первая дружба

Осень в Ленинграде 1972 года была не просто холодной. Она была липкой, навязчивой, как неотвязная мысль, проникая в каждую щель старых деревянных рам, оседая на бетонных стенах влажной изморосью. Коридоры Ленинградской средней специальной школы милиции пахли не так, как пахнут обычные учебные заведения. Здесь был свой, особый запах — смесь казённого мыла, вьёвшегося в поры штукатурки, скипидара, которым натирали паркет, и той тягучей, спёртой сырости, что приносил с Финского залива ветер, пробираясь даже сквозь тройные рамы. Плакаты на стенах, с суровыми лицами Феликса Дзержинского и призывами к бдительности, уже успели пожелтеть по краям; их углы загнулись, потрескались, и они казались не агитками, а призраками ушедшей эпохи — бессильными хранителями порядка, наблюдающими за сменой поколений.

Владимир Серов стоял у высокого окна в пустом холле и смотрел, как косой дождь хлещет по асфальту внутреннего двора. Ему было двадцать, и сегодня начиналась его новая жизнь. В руке он сжимал предписание о зачислении — плотный, пахнущий типографской краской лист с гербовой печатью. Бумага была тёплой от его ладони, и он боялся, что, если разожмёт пальцы, буквы растворятся в этом промозглом воздухе, исчезнут, как не бывало. Он приехал из-под Нов-

города, из деревеньки, где милиционер был фигурой почти легендарной. Там участковый дядя Коля мог разнять любую пьяную драку у сельмага, одним словом. Он не махал дубинкой и не кричал. Он просто слушал. И этого хватало. Серов помнил, как в детстве сидел на отцовских плечах, глядя, как дядя Коля мирно говорит с мужиками, и как те, смущаясь, прятали бутылки и расходились по домам. Тогда Володя и решил: он будет таким же. Справедливым. Твёрдым. Правильным.

Но сейчас, стоя у этого окна, глядя на серую пелену, которая лишала город чётких очертаний, он чувствовал себя чужим. Новая гимнастёрка, пахнувшая крахмалом, казалась чужой кожей — натянутой, неудобной, ещё не привыкшей к его плечам. Ботинки, выданные в вещмешке, жали в подъёме, и лёгкая боль при каждом шаге напоминала ему, что он здесь не дома. Город огромный, равнодушный, спрессованный из серого гранита и свинцовой воды. Он давил, и от этого давящего холода хотелось забиться в угол, как это бывало в детстве перед грозой.

«Эй, друг!»

Голос, раздавшийся за спиной, был громким, басовитым, с явным уральским говорком, который растягивал гласные, делая их мягче, теплее. Серов обернулся. К нему направлялся парень, шире его в плечах, с грубоватым, но открытым лицом, на котором застыла широкая, почти мальчишеская улыбка. Он отряхивался, как огромный пёс, выбравшийся из

воды, — стряхивал дождевые капли с форменной фуражки, которую держал в руке.

«Не подскажешь, куда здесь эти бумажки сдавать?» — спросил он, протягивая ладонь для рукопожатия. Рука была широкой, сухой, с мозолями — явно рабочий человек, знакомый с лопатой, бетоном и усталостью после смены. От него пахло табаком и машинным маслом, которое он, видно, не успел отмыть. — «Я уже полчаса плутаю. Нашёл какую-то дверь, толкнул — а там склад со швабрами. И дежурная тётенька так на меня посмотрела, будто я вор».

Он рассмеялся — искренне, беззаботно, как человек, привыкший не заикливаться на неудачах. От его смеха, от его широкой фигуры повеяло теплом, и напряжение, сжимавшее грудь Серова, чуть отпустило.

«Я тоже только пришёл, — ответил Серов, пожимая его руку и чувствуя, как от этого простого жеста на душе становится легче. — Мне сказали: направо, потом по лестнице на второй. Там приёмная».

«О, звучит как план! — парень хлопнул его по плечу, и Серов невольно улыбнулся в ответ. — Меня Сергей зовут. Ковалёв. Из Уфы. Строительный закончил, три года на стройке горбатился. А потом понял — не моё. Хочу ловить бандитов. А ты?»

«Володя. Из Новгорода».

«Новгород — это круто! — в голосе Ковалёва послышалось неподдельное одобрение. — Там же старина, история.

А я с Урала, где скука и бетон. Только и дел, что месить раствор. А здесь — Ленинград, культура, балет... ну и милиция, конечно».

Он снова засмеялся, но Серов заметил, что говорит Ковалёв чуть громче, чем нужно, будто компенсирует внутреннее волнение. На его лице, при всей его открытости, мелькали тени — что-то, что он прятал за этой шумной маской дружелюбия.

«Пошли, что ли?» — Ковалёв уже шагал по коридору, широко, уверенно, будто знал, что Серов пойдёт за ним, будто они были старыми друзьями.

Серов двинулся следом, чувствуя, как с этим парнем можно не бояться ошибиться. Можно быть собой.

На втором этаже у дверей с табличкой «Приём документов» толпились такие же новобранцы, как они. Кто-то уже успел найти товарищей, кто-то стоял в стороне, настороженно оглядываясь. Ковалёв приветливо кивал всем подряд, как старый знакомый, и Серову казалось, что он знает здесь каждого.

У самой двери, где очередь уже почти рассосалась, стояла девушка. Она была невысокой, но держалась с прямой, почти военной осанкой, и в этом было что-то, что заставляло обратить на неё внимание. Волосы, тёмно-русые, были стянуты в строгий пучок на затылке, но несколько непослушных прядей выбились, обрамляя тонкое, точеное лицо. Когда она обернулась на скрип двери, Серов увидел её глаза. Большие,

серые, с каким-то холодным, тяжёлым блеском. Они были как вода в Неве в октябре, когда она становится свинцовой и злой. В них читалась смесь стали и усталости — такой усталости, какую не ждёшь от девушки её возраста. Будто она уже видела то, что другим только предстояло.

Ковалёв, который до этого не терял дара речи, вдруг сбился. Он неловко кашлянул, коснулся фуражки, и его лицо, обычно такое открытое, стало серьёзным.

«Прошу прощения, — начал он, и голос его сорвался на хрип. — Сергей Ковалёв, на заселение!»

Девушка посмотрела на него с лёгкой усмешкой — не злой, скорее изучающей. Она будто взвешивала его на весах своего внутреннего судьи.

«Татьяна, — сказала она ровно, и голос её звучал глухо, без интонации. — Татьяна Светлова. Я уже сдала документы. Место ваше».

Она кивнула на освободившееся место у стола, но не отошла. Её взгляд скользнул по Серову, и он почувствовал на себе ту же тяжесть оценки, что и Ковалёв. Она не кокетничала, не пыталась произвести впечатление. Она просто классифицировала его: «союзник», «противник» или «очередной дурак». Серов встретил её взгляд и, не желая отступить, выдержал его.

«Владимир Серов, — представился он, стараясь говорить твёрже, чем чувствовал. — Из Новгорода».

«Далеко, — констатировала Татьяна. — А я ленинградка.

Здесь родилась и выросла». Она сказала это без хвастовства, как факт, как констатацию непреодолимого расстояния между ними. В этом «здесь» чувствовалась пропасть.

Из-за её спины раздался голос — негромкий, с лёгкой хрипотцой, но необычайно спокойный, почти монотонный. Голос, который не спрашивал, а констатировал.

«Таня, всё в порядке?»

В дверях стоял молодой человек. Он был подтянут, но его нельзя было назвать красивым в привычном смысле. Черты правильные, даже сухие, русые волосы зачёсаны назад, на переносице — очки в простой стальной оправе, которые придавали ему вид библиотекаря или учителя. Но было в нём что-то, что заставляло смотреть на него дольше обычного. Был в нём этот его взгляд — внимательный, слишком серьёзный для его возраста, цепкий. Он смотрел на мир, как на задачу, которую нужно решить.

Татьяна едва заметно кивнула ему.

«Да, Лёня. Всё нормально. Знакомлюсь с нашими новыми... товарищами».

Молодой человек подошёл ближе. Серов заметил, что он двигается бесшумно, как тень. Никаких лишних движений. Только плавный, крадущийся шаг.

«Леонид, — представился он, чуть склонив голову, но руки не протянул. — Леонид Родионов. Будем знакомы».

Он не протянул руки. Просто стоял, держа папку перед собой двумя руками, как щит, и смотрел на Серова и Кова-

лёва с отстранённым любопытством, будто решал, стоят ли они его времени.

Ковалёв, не заметив холода, радостно загудел:

«Отлично! Значит, однокурсники! — он попытался хлопнуть Леонида по плечу, но тот ловко, почти незаметно, отступил на полшага, избегая прикосновения. — Я Сергей, это Володя. Будем осваивать науки!»

«Науки? — Леонид вскинул бровь, и в голосе его проскользнула ирония, тонкая, как лезвие. — Да, наук много. Но самая главная уже началась».

Он указал подбородком на дождь за окном.

«Осень. Петербургская осень. Она сырая, серая... и очень лживая. Она затягивает, как паутина. И учит терпению. Этот город не прощает тех, кто торопится. Он ждёт, когда ты ошибёшься. И наказывает безжалостно».

Серов почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий отношения к погоде.

Но паузу прервал стук быстрых шагов. Кто-то бежал по коридору, цокая каблучками по казённому полу. Из-за поворота вынырнула девушка. Полная противоположность Татьяне. Если та была похожа на серый холодный гранит, из которого сложен Ленинград, то эта казалась живым воплощением света. Каштановые волосы распущены по плечам, огромные зелёные глаза сияли добротой, а на щеках играл румянец от быстрой ходьбы. Она была в гражданской куртке — лёгкой, кашемировой, с большими пуговицами, — что

выдавало в ней «гостью». Она выглядела так, будто принесла с собой кусочек внешнего, живого мира, где не пахнет казённым мылом и хлоркой, а есть запах книг, духов и чего-то домашнего.

«Тань! — выдохнула она, хватая подругу за руку. — Представляешь, они потеряли мои документы в военкомате! Пришлось бежать восстанавливать, думала, не успею!»

Она говорила звонко, с певучей интонацией, и смотрела на всех с неподдельным любопытством, без тени страха. Её взгляд остановился на Серове и Ковалёве, и она широко улыбнулась — той улыбкой, которая могла растопить лёд.

«Добрый день! — сказала она. — Я Анна, подруга Тани. Она мне столько о вас рассказывала! Вы ведь на следователей поступили?»

Татьяна чуть заметно скривилась — ей явно не нравилось, что Анна так открыто проявляет интерес к незнакомцам. Она поправила воротник гимнастёрки, но не успела ничего сказать.

«Анна, — повторил Ковалёв, просяив. Он галантно поклонился, отчего его широкая фигура стала похожа на расшатанную башню. — К вашим услугам!»

Анна рассмеялась, и этот смех разорвал напряжённую тишину, разбил её вдребезги. Даже суровая Татьяна едва заметно улыбнулась, уголки её губ дрогнули. Даже Леонид на мгновение позволил себе расслабить плечи.

«А вы, наверное, Владимир? — спросила Анна, подходя

к Серову, который всё ещё стоял молча, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как кровь приливает к щекам. — Таня говорила, что вы из Новгорода. Я там была однажды, летом. Такая красота! А вы, наверное, скучаете по дому? Не переживайте, Ленинград вас примет. Он хоть и угрюмый, но, если приглядеться, красивый. А мы, ленинградцы, — она подмигнула, — не такие суровые, какими кажемся».

Её рука, случайно коснувшаяся его локтя, обожгла его, словно электрическим разрядом. Серов не мог вымолвить ни слова. Он смотрел на неё, и впервые в жизни все его высокие устремления, вся его вера в далёкую справедливость, сжались до размеров одной-единственной улыбки. Он хотел защищать именно этот свет. Всё остальное перестало иметь значение.

Ковалёв, заметив состояние товарища, хохотнул, хлопнув себя по колену.

«Ого! Пропал наш Володя! — прохрипел он, вытирая выступившие слёзы. — Я думал, будет одна скука, а тут... красота!»

Серов покраснел и толкнул его локтем:

«Заткнись, Ковалёв».

«Ага, — засмеялся Ковалёв, — только смотри, чтобы ловить самого себя не пришлось».

Леонид, стоявший чуть поодаль, тихо, почти шёпотом, произнёс, глядя на Анну, но так, чтобы его слышал один Серов:

«Она слишком светлая. Для этого мира. Он убьёт её, если ты не будешь рядом».

Серов вздрогнул, будто от удара. Он повернулся, чтобы переспросить, но Леонид уже скользнул в толпу курсантов, растворился, как тень.

Анна взяла Татьяну под руку и сказала, обращаясь уже ко всем:

«Ну, я пойду. Мне ещё в библиотеку нужно. Тань, я зайду к тебе вечером, хорошо?»

Татьяна кивнула, и Анна, махнув рукой на прощание, направилась к выходу. Серов смотрел, как она уходит, как её каштановые волосы покачиваются в такт шагам, как свет падает на её плечи, и чувствовал, что в груди зарождается нечто новое — гораздо сильнее простого желания быть хорошим следователем. Он хотел быть её защитником.

Группа — теперь уже четверо: Серов, Ковалёв, Татьяна и Леонид — медленно двинулась по коридору. Серов всё ещё смотрел в сторону выхода, где исчезла Анна, и не мог сосредоточиться на разговоре. Ковалёв что-то рассказывал о строительстве, Леонид отвечал короткими, сухими фразами, Татьяна молчала, поглядывая на Серова с лёгкой насмешкой.

Они вышли на крыльцо. Дождь кончился, оставляя после себя тяжёлый, влажный воздух, пропитанный запахом увядающих листьев и мокрого асфальта. Небо начинало светлеть, и в серых тучах проглядывали первые проблески солнца.

«Какие вы все разные, — сказала Татьяна, обводя их

взглядом. — Кто вы — спасатели или палачи? Время покажет».

Они зашли в здание, и тяжёлая дубовая дверь захлопнулась за ними, эхом разнесясь по коридорам. За их спинами, в тени колонны, стоял человек, которого никто не заметил. Он был в штатском, с блокнотом в руках, и спокойно наблюдал за происходящим. На вид ему было не больше двадцати пяти — светлые волосы, тонкие черты лица, внимательные, холодные глаза. Он стоял так неподвижно, что казался частью архитектуры. Он записал короткую фразу аккуратным, каллиграфическим почерком:

«Объекты: Серов В., Ковалёв С., Родионов Л., Светлова Т. Перспективные. Наблюдение продолжать».

Он убрал блокнот и бесшумно растворился в темноте, как тень. Его звали Максим Ушаков. Ему было двадцать три. Он только что окончил Академию КГБ и получил первое задание. Через пятнадцать лет он станет Ретриком. Но пока он просто наблюдал.

Часть вторая. Общежитие

Вечер опускался на Петроградскую сторону медленно, неохотно, как старик, который не хочет уходить со скамейки. Общежитие школы милиции располагалось в старом купеческом здании, и дух буржуазного прошлого до сих пор чувствовался в лепнине на потолках, в высоких окнах с полукруглыми арками и в паркетных полах, которые, правда, уже потеряли свой блеск под ногами сотен курсантов. Паркет скрипел, кое-где доски выщерблены, но общая благородная основа сохранилась — как напоминание о другой жизни, о той эпохе, когда здесь жили люди, не знавшие, что такое коммунальные квартиры и карточки на хлеб.

Комнату №47 Серов и Ковалёв делили на двоих. Это была клетушка метров пятнадцати, с двумя железными кроватями, застеленными казёнными серыми одеялами — жёсткими, колючими, пахнущими хлоркой и чем-то неуловимо больничным. У каждой кровати стояла тумбочка, а в центре — общий стол, покрытый клеёнкой с выцветшим цветочным узором, который когда-то, наверное, был ярким и весёлым, а теперь казался призраком былой красоты. Единственное окно выходило во внутренний двор, где вечно сушилось бельё на натянутых верёвках, и слышались приглушённые голоса старшекурсников, курящих внизу.

Первый вечер после заселения они сидели друг напротив

друга за этим столом и пили чай из алюминиевых кружек. Чай был крепкий, чёрный, заваренный прямо в кружках — кипяток из титана, который дежурная приносила на этаж в больших эмалированных вёдрах. Ковалёв притащил из дома, из Уфы, целый пакет сушёного башкирского мёда — тёмного, густого, с янтарным отливом, который напоминал застывшую смолу. Он осторожно разломил пластину, которая хрустнула, как лёд, и протянул половину Серову.

«На, попробуй. Настоящий, с пасеки моего дяди. Мать передала. Говорит, от ленинградской сырости помогает».

Серов отломил кусочек и положил в рот. Мёд был тягучий, с лёгким привкусом луговых трав и цветов. Он растекался по языку, оставляя послевкусие лета, солнца и детства. Серов вдруг остро почувствовал, как далеко он от дома — от деревянного дома в Новгородской области, от запаха сена и речной воды, от голоса матери, которая провожала его на перроне и махала платком, пока поезд не скрылся за поворотом.

«Спасибо, — сказал он, отпивая чай и чувствуя, как тепло разливается по груди. — Ты, я смотрю, основательно подготовился. А я только книги взял, да две смены белья».

«Ну, я знал, что кормить будут плохо, — усмехнулся Ковалёв. — А сладкое — энергию даёт. Ты, главное, не стесняйся, если что — у меня там ещё ворох гостинцев».

Он помолчал, глядя в окно, где уже зажигались первые жёлтые огни фонарей, разгоняющих ленинградскую тьму.

Небо давило — низкое, серое, набрякшее дождём. Фонари едва разгоняли тьму, и дворы казались чёрными провалами, в которых могли прятаться кто угодно.

«Знаешь, Володя, — сказал Ковалёв, и голос его вдруг потерял прежнюю беззаботность, стал глубже, тяжелее. — Я ведь тебе не всё рассказал. Почему я сюда пошёл».

Серов поставил кружку и посмотрел на него. Впервые за сегодняшний день он увидел под бравой оболочкой товарища что-то другое — давнюю, въевшуюся боль. Что-то, что пряталось за улыбкой и шутками, как глубокий колодец, скрытый травой.

«Рассказывай, — сказал он просто.

Ковалёв помолчал, собираясь с мыслями. Он смотрел в окно, но видел, наверное, не фонари и не тёмные дворы, а совсем другое. Что-то, что не отпускало его ни на минуту.

«Брат у меня был. Младший. Петька, — сказал он глухо, и голос его дрогнул. — Ему шестнадцать, мне двадцать. Гулял он с девчонкой, с Люсей. Поздно возвращались с дискотеки. Пьяная компания привязалась — трое. Они его избили. До смерти. А девчонку... изнасиловали. Прямо при нём. Он умер, глядя на это».

Серов почувствовал, как внутри всё похолодело, как кровь отлила от лица. Он не знал, что сказать. Просто молчал, глядя на Ковалёва, который сидел перед ним, живой, дышащий, сжимающий кружку так, что та могла треснуть в любой момент.

«Дело развалили, — продолжал Ковалёв, и голос его зазвенел металлом. — У тех троих оказались «крыши». Один — из комсомольских, второй — племянник начальника из райкома, третий — вообще сын прокурора. Я стоял в коридоре суда и видел их лица. Они улыбались мне. А нашли каких-то бродяг...»

Он поднял глаза на Серова. В них была такая сила, такая боль и такая решимость, что Серов невольно опустил взгляд. Его собственная мотивация — видеть, как соседи страдают от пьяных драк, — казалась теперь мелкой, почти смешной.

«Я тоже ради справедливости, — тихо сказал Серов. — Но у меня не было такого, как у тебя. Просто... я видел, как люди не могут защитить себя. Как милиция закрывает глаза. Я верю, что можно быть честным. Что можно защищать закон, оставаясь человеком».

Ковалёв усмехнулся, но теперь в усмешке было тепло — та странная теплота, которая появляется, когда два человека находят друг друга в огромном, холодном мире.

«Ну вот мы и нашли друг друга. Два дурака-идеалиста. Один из Новгорода, другой из Уфы. Ловить бандитов в Ленинграде».

Он вдруг встал, подошёл к своей кровати и достал из-под матраса небольшой конверт. Протянул Серову.

«Держи. Чтобы ты знал врагов в лицо».

Серов открыл конверт. Там была старая любительская фотография — трое парней с наглыми, жестокими лицами, в

кожаных куртках, с пивными бутылками в руках. Они улыбались, показывая кривые зубья, и в этой улыбке была уверенность в безнаказанности.

«Запомни их, Володя, — сказал Ковалёв, забирая фото. — Я найду их. Не сейчас, но найду. Потому что они убили Петьку и гуляют на свободе».

Он спрятал фотографию обратно и задумался. Тишину нарушал только ветер за окном да редкие голоса из коридора.

«Слушай, а ты веришь, что мы сможем что-то изменить? — спросил Ковалёв. — Что не станем винтиками в системе?»

«Должен верить, — ответил Серов. — Если перестану, то не смогу вставать по утрам. Я хочу быть тем, кто идёт до конца. Даже если конец окажется тупиком».

Они не заметили, как перевалило за полночь. На столе лежали пустые кружки, крошки мёда и карта Ленинграда. Ковалёв лёг на кровать, уставившись в потолок.

«Ты мне как брат, Володя. Странно, да? Один день прошёл».

«Нормально, — отозвался Серов. — Спать давай. Завтра в шесть».

«В шесть... — простонал Ковалёв, накрывая голову подушкой.

Они оба тихо засмеялись. В этом смехе была та спокойная, уверенная дружба, которая только начинала закаляться.

Но Серов долго не мог уснуть. Он думал о брате Ковалёва, о той несправедливости, что существовала повсюду. Он думал о Леониде с его холодными глазами, о Татьяне с её тяжёлым взглядом, об Анне с её улыбкой, которая могла растопить лёд. Он думал о том, что пришло время учиться не только теории, но и тому, как не сломаться самому.

Дождь стих. Где-то вдалеке звякнул трамвай. Серов закрыл глаза, не зная, что эта комната №47 станет их крепостью, а через много лет запах сушёного мёда будет напоминать ему о той простой, человеческой жизни, что закончится слишком рано. Слишком несправедливо.

Часть третья. Первое утро

Их разбудил голос старшины, разносившийся по коридорам, как трубный глас:

«Подъём! Подъём, курсанты! Построение через десять минут!»

Ковалёв с проклятием накрыл голову подушкой.

«Боже, сколько лет прошло, а я не привык...»

«Вставай, — Серов уже стоял в одних трусах, натягивая штаны и чувствуя, как холод утреннего воздуха пробегает мурашками по коже. — Первый день, нельзя опаздывать».

Они быстро умылись ледяной водой в общей умывальной, где уже толпились другие курсанты, такие же сонные и недोвольные. Перекусили жидкой кашей в столовой и выстроились на плацу. Осенний ветер пронизывал до костей, пробираясь под шинели, но все стояли ровно, пытаясь не дрожать.

Начальник школы, полковник Громов, высокий сухой мужчина с седыми висками и голосом, который не терпел возражений, обошёл строй и произнёс короткую речь:

«Вы здесь, чтобы учиться. Учиться защищать закон. Помните: каждое ваше решение может спасти кого-то или погубить. Не подведите. Вы — будущее советской милиции».

И курсанты, шурша новыми гимнастёрками, двинулись в аудитории, где их ждало первое занятие по уголовному пра-

ву. Подполковник Смирнов, пожилой лысеющий мужчина с очками на кончике носа, монотонно вещал о составе преступления. Ковалёв скептически хмыкал, рисуя карикатуры в тетради.

«Скучно, — шепнул он. — Теория — это хорошо, но хочется живого дела».

«Теория нужна, — возразил Серов. — Без неё ты не сможешь правильно оформить протокол, и дело развалится».

В перерыве Серов вышел в коридор и увидел Анну. Она сидела на широком подоконнике с книгой Блока в руках. Увидев его, она улыбнулась — тепло, искренне, и у него перехватило дыхание. Серов подошёл к ней, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

«Володя! Как занятия?» — спросила она, спуская ноги.

«Хорошо...» — запнулся он, не в силах отвести взгляд.

«Ты не скучаешь? — спросила она. — Я знаю, как трудно привыкать к новой жизни. Я сама, когда перешла в новую школу, тоже чувствовала себя чужой. Но потом привыкла. И Ленинград стал моим домом. Он станет и твоим, вот увидишь».

Она говорила мягко, как будто успокаивала ребёнка. Серов стоял, не в силах вымолвить ни слова.

«Ты что, стихи любишь?» — спросил он наконец, показывая на книгу.

«Очень, — ответила Анна. — Особенно Блока. Он такой... пронзительный. Вот послушай: *

«Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый свет...»

**Правда, красиво?»*

Серов не знал, что ответить. Он никогда не любил стихи, но сейчас, глядя на неё, слушая её голос, он чувствовал, что готов слушать её вечно.

«Красиво, — сказал он. — Но ты ещё красивее».

Анна засмеялась, и в этом смехе было столько света, что Серов забыл обо всём. Он не заметил, как прозвенел звонок.

Очнулся он от того, что Ковалёв тронул его за плечо:

«Идём, Смирнов уже злой».

Анна закрыла книгу и сжала его руку:

«Приходите ещё. Я буду ждать».

Она ушла, оставив его с бешено бьющимся сердцем. Весь день он не мог сосредоточиться — перед глазами стояла только она.

Вечером, в комнате, Серов сидел на кровати, перебирая в памяти каждое её слово. Ковалёв только покачивал головой:

«Такие девушки, как Анна, не для простых курсантов. Она из интеллигентной семьи. А ты из Новгорода, без связей».

«Я буду с ней, — твёрдо ответил Серов. — Я не сдамся».

И в этот момент в дверь постучали. Три коротких, уверенных удара.

На пороге стояла Татьяна. Она смотрела на них холодным,

тяжёлым взглядом.

«Можно?» — спросила она, но это был не вопрос.

Она вошла, оглядела комнату и остановилась у стола. Её взгляд упал на Серова.

«Ты не подходи к Анне, — сказала она резко.

Серов замер:

«Почему?»

Татьяна усмехнулась, но в усмешке была сталь:

«Потому что ты не знаешь, что такое боль. Ты не знаешь, как мир раздавливает. Анна хрупкая. Ты своими идеалами можешь её сломать. Ты думаешь, что всё просто, а на самом деле всё сложно. Ты сделаешь ей только больно».

«Я хочу защищать её! — вырвалось у Серова.

Татьяна подошла почти вплотную, и её серые глаза впились в его. Она была так близко, что он чувствовал запах её мыла и табака.

«Ты не знаешь, что значит защищать, — сказала она почти шёпотом. — Ты не видел смерти, крови, умирающей надежды. Если хочешь защищать её, сначала научись защищать себя. Потому что мир не прощает слабых. Ты будешь стоять и смотреть, как она плачет, и ничего не сможешь сделать. Ты готов к этому?»

Она развернулась и вышла, плотно закрыв дверь.

Ковалёв присвистнул:

«Ну и ну... У неё явно что-то личное».

Серов стоял, глядя на закрытую дверь, и чувствовал, как

внутри всё горит. Он не понял, что это было — предупреждение, угроза или странная забота. Но это только укрепило его решимость.

«Я не отступлю, — сказал он твёрдо. — Я докажу ей, что она ошибается. Я стану тем, кто сможет защитить Анну ото всего мира».

Ковалёв вздохнул:

«Смотри. Мир действительно ломает таких, как мы. Будь осторожен».

Серов кивнул. Но в его голове уже созрел план. Он не знал тогда, что его клятва будет стоить ему всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.